

ально-экономического развития контактирующих обществ, а природно-климатическая среда обитания.

Этнокультурные взаимодействия способствовали сближению народов, их консолидации в единое региональное сообщество, а в масштабах страны — в единую российскую нацию, что, в конечном счете, оборачивалось благом и для государства, и для региона, и для самих народов, и для отдельного человека. “Этносы и их культуры, входя в контакты и взаимосвязи между собою, — справедливо пишет Р.Г.Кузеев, исследовавший этнокультурную историю Южного Урала и Среднего Поволжья, — взаимно воспринимали те или иные культурные достижения. Осваивая их в соответствии со своими культурными традициями и образом жизни, этносы органически вплетали в ткань собственной...культуры”.³ Позитивные последствия взаимовлияния культур народов Урала в XVIII — начале XX вв. существенно перевешивали те неизбежные потери, которыми сопровождалась “встреча” цивилизаций.

¹ Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 1.

² ГАПО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

³ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992. С. 210.

И.В.ПОБЕРЕЖНИКОВ
ИИиА УрО РАН, Екатеринбург

ДИЛЕММЫ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

На большем протяжении своей истории жизнь человечества характеризовалась скорее стабильностью, нежели динамизмом. Общество функционировало на основе традиций. Люди добывали пропитание так, как это делали их отцы и деды. Традиционные регулятивы играли огромную роль в организации общественной и частной жизни. В XV — XVII вв. Западная Европа становится ареной кардинальных преобразований. Под влиянием Возрождения и Реформации в обществе утверждаются новые идеалы и ценности, происходит поворот человеческого разума к материальным, земным интересам, развивается индивидуализм. Протестантская религия и этика способствовали становлению и упрочению капиталистической системы хозяйствования, основанной на предпринимательстве и получении прибыли. В это время были заложены основы для современной модели экономического роста. Во второй половине XVIII в. в Великобритании началась индустриальная революция, в результате которой зародилась “современная” крупная машинная промышленность, значительно ускорившая процесс перехода от традиционного к современному обществу. На протяжении XIX столетия индустриальная система осуществила “мирное завоевание” континентальной Западной Европы и Северной Америки. Становление “индустриальной цивилизации” сопровождалось

институциональной перестройкой, социальной мобилизацией, ускоренной урбанизацией, трансформацией образа жизни. Перемены были настолько грандиозны, что К.Поланьи охарактеризовал их как “великую трансформацию”, а ее результат назвал коммерческим обществом, основанным на саморегулирующемся, свободном от государственного вмешательства рынке, буржуазном либеральном государстве и золотом стандарте, который способствовал развитию международного рынка благодаря удобству обмена валют разных стран¹.

В XX в. опыт развития стал более разнообразным. Значительные успехи продемонстрировали социалистические страны, институционализировавшие редистрибуцию (перераспределение). Молодые нации, возникшие в середине столетия в результате распада колониальных империй, столкнулись с проблемой выбора путей развития. Экологические последствия колоссального роста производительных сил заставили в значительной степени откорректировать ориентиры дальнейшей эволюции. В 1970 — 1990-е гг. мир стал свидетелем двух сдвигов глобального значения. Грандиозные трансформации в Восточной Азии — ускоренная модернизация стран “конфуцианско-дальневосточной цивилизации” — привели к появлению новых серьезных конкурентов (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур) для наиболее развитых стран мира. При этом социально-экономический рост “азиатских тигров” не сопровождался серьезным усилением в них социального неравенства, что было характерно для многих других развивающихся современных регионов и для большинства стран Запада в XIX в. Вторым важным сдвигом, еще менее ожидаемым и даже более стремительным (П.Штомпка определил данную трансформацию как “анти-теоретическую революцию” = “a-theoretical revolution”), по сравнению с первым, явилась социально-политическая трансформация СССР, которая началась с признания провала прежней политики в сфере экономики и поиска путей экономической и политической модернизации (“перестройка”). Затем последовал каскад политических событий, приведших к объединению Германии, падению коммунистических режимов в СССР и странах Центральной-Восточной Европы (ЦВЕ).

Итак, конец XX в. ознаменовался новыми колоссальными сдвигами, в результате которых изменился мировой порядок, бывшие страны социалистического лагеря занялись переосмыслением перспектив своей эволюции. Накануне XXI столетия проблемы развития сохраняют прежнюю актуальность.

Вера в прогресс и универсальные законы, регулирующие развитие разнообразных обществ, способствовала становлению в середине XX в. теории (теорий) модернизации, которая внесла существенный вклад в освоение проблематики развития. Именно проблемы развития, перехода от традиционности к современности оказались в исследовательском фокусе представителей школы модернизации, которые про-

водили анализ преимущественно на страновом уровне, оперировали такими переменными, как культурные ценности и социальные институты, и использовали в качестве ключевых концептов понятия *традиция* и *современность*.

Модернизационная парадигма “классического периода” (1950 — 1960-х гг.), сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, наделяла процесс модернизации рядом характеристик, которые признавались большинством ее сторонников (они были сформулированы Самуэлем Хантингтоном в статье 1976 г.):

1) модернизация — революционный процесс по масштабам изменений (переход от “традиционности” к “современности” связан с радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности);

2) модернизация — комплексный процесс, который невозможно свести к какому-либо одному измерению;

3) модернизация — системный процесс; изменения одной из движущих сил соотносятся и оказывают воздействие на прочие факторы;

4) модернизация — процесс глобальный. Начавшись в Западной Европе XV — XVI вв., она со временем приобрела общемировое значение, что было обеспечено как диффузией современных идей и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ;

5) модернизация — длительный, протяженный процесс; она эволюционна по скорости осуществления изменений;

6) модернизация — стадийный процесс, поскольку возможно выделение уровней или фаз модернизации, через которые должны пройти все общества;

7) модернизация является процессом гомогенизации;

8) модернизация — процесс необратимый;

9) модернизация — прогрессивный процесс².

Впоследствии модернизационная парадигма была в значительной степени пересмотрена и усовершенствована. Модернизационная перспектива — пример теории, которая развивалась в постоянном взаимодействии с реальными процессами развития, вносящими коррективы в ее содержание. Пересматривались как методология исследования, так и теоретические основы данного научного направления, что, в конце концов, способствовало превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к исторической конкретике. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схема-

ми; 2) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 3) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 4) признание циклической природы процесса модернизации; 5) акцент на тяжелый, мучительный, болезненный характер модернизационных преобразований; 6) признание мультилинейности, множественности путей развития и модернизации; 7) отказ от трактовки модернизации как непрерывного и бесконечного процесса; признание обусловленности модернизации “внешними” и “внутренними” ограничителями (как пишет С.Дьюб, “человеческие представления могут менять и меняют результаты и ход модернизации и развития”)³.

Указанные теоретические инновации заставили по-новому взглянуть на такие приписываемые изначально модернизации характеристики, как *необратимость*, *прогрессивность*, *протяженность* и *эволюционность*, *гомогенизирующий эффект*. В литературе отмечается теоретическая сомнительность и дискуссионность и других характеристик процесса модернизации.

Так, С.Дьюб критически оценивает приписывание процессу модернизации параметра *глобальности*. Исследователь справедливо пишет, что, несмотря на широкую диффузию, блага модернизации по-прежнему недоступны для значительной части населения земного шара. Он сомневается в возможности реализации идеала равномерной модернизации в глобальном масштабе. Пользуясь метафорой Э.Тоффлера, он пишет, что в то время как небольшая часть человечества движется от “второй волны” к “третьей”, две трети его все еще вынуждены оставаться частью “первой волны”. Аспект *гомогенизации* также, по мнению С.Дьюба, вызывает вопросы. Он противопоставляет ставшему привычным описанию современного мира как “большой деревни” рост национализма и многообразие культурного сознания, указывает на политику супердержав, водоворот напряженности и конфликтов, в которые погружены развивающиеся страны, как на препятствия на пути к глобальной гомогенизации. Рост фундаментализма и контрмодернизационных идеологий во многих обществах ставит, по мнению С.Дьюба, под сомнение такую характеристику модернизации, как *необратимость*. Наблюдающийся рост индивидуальной отчужденности и социальной аномии, дисфункциональности множества социальных институтов, насилия, ослабление нормативной структуры общества превращают в дискуссионную и такую характеристику модернизации, как ее *прогрессивность*⁴.

Использование модернизационной парадигмы в качестве познавательной модели ставит ряд дилемм. Одна из них может быть сформулирована как *системность VS односторонность*. Классическая версия модернизационной перспективы исходила из того, что модернизация — комплексный и системный процесс инновационных измене-

ний, фактически, во всех областях человеческой мысли, поведения, общественного устройства. *Системность* предполагала соотнесение и взаимосвязь изменения одной из движущих сил модернизации с прочими факторами. Атрибуты модернизации, согласно представлениям сторонников данной парадигмы, формируют связанное целое, появляясь скорее в кластерах, нежели в изоляции; как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, это неизбежно вызывает соответствующие изменения в других сферах; взаимосвязанные изменения происходят более-менее одновременно; трансформация одной из общественных подсистем должна стимулировать адекватные преобразования других подсистем, что, в конце концов, резюмируется в общем ходе эволюции общества. Сама эволюция в данном теоретическом контексте дирижируется некими объективными, не зависящими от человека, детерминантами, в которые вложена своеобразная цель — более высокий уровень общественного развития.

Между тем, вряд ли есть основания рассматривать модернизацию как телеологическую эволюцию. Исторический процесс осуществляется как конструирование социальных отношений в пространстве и времени в результате интеракции между структурной детерминантностью и индивидуальной волей. Объясняемая объективность — не отражает его содержания во всей полноте. Поддающееся пониманию волеизъявление индивидуальных агентов, способных трансформировать социальную структуру, — также неотъемлемая составляющая исторического процесса. Данное обстоятельство объясняет существование проблем методологического характера относительно характера связей между социальными, экономическими, демографическими, политическими и прочими переменными. Например, проблемой является установление характера причинной зависимости между экономическими и социальными изменениями (которые в каком-то смысле являются “объективными”) и политическими сдвигами, которые обычно являются результатом сознательных человеческих усилий и проявлением свободы воли. Взаимоотношения между макро-социоэкономическими изменениями и макро-политическими сдвигами опосредуются микро-изменениями на уровне установок, ценностей, поведения индивидов. Участие произвольной компоненты (деятельность) в организации исторического процесса существенно увеличивает риск эскалации несистемности модернизационных сдвигов. “Объемы” сдвигов в различных областях — величины не скалярные, а векторные, и они вступают в резонанс лишь в том случае, если направления их действия совпадают.

В действительности системные сдвиги осуществляются далеко не всегда (можно вспомнить афоризм Станислава Ежи Леца “в действительности все не так, как на самом деле”). По мнению Э.Тириакаяна, модернизация вообще не может интерпретироваться как единый процесс системной трансформации; в конкретном обществе отдельные

сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; другие группы делают это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; наконец, отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например, те, которые имеют доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства)⁵.

Историческая конкретика предоставляет множество примеров, когда модернизационные изменения в одной из социальных сфер не вызывают адекватных трансформаций в общественном теле *in corpore*, или когда адекватные реакции настолько запаздывают (временной лаг может достигать как десятилетий, так и столетий), что вопрос о системности модернизации просто теряет смысл. Динамика развития стран т. н. “догоняющей” модернизации — это непрерывный процесс односторонних, однокорых трансформаций или реакций, далеко не соответствующих стандартам модернизации. Можно вспомнить такие механизмы мобилизации населения в имперской и советской России как крепостничество, отработочная система, принудительный труд в условиях социализма, который квалифицируется некоторыми авторами как “неофеодализм”.

Изучение роли образования в ходе модернизации в странах Третьего мира дает многочисленные примеры несоответствия образовательных институтов и их функционирования импульсам модернизации, которое может длиться достаточно долго и в перспективе приводить к сбоям модернизации: непропорциональное распределение ограниченных ресурсов между сферой образования и прочими подсистемами общества; несоответствие качества и профиля подготовки, количества выпускаемых специалистов потребностям национальной экономики и в целом общества; противоречия между характером и ценностными установками системы образования, с одной стороны, и общественными потребностями, с другой стороны (например, ориентация учащихся и специалистов на ценностные установки иной страны, не соответствующие актуальным проблемам внутреннего развития); уродливое воздействие образовательного фактора на распределение доходов, приводящее к воспроизведению и даже росту неравенства и абсолютного обнищания; стимулирование миграции населения из деревни в город, приводящее к росту городской безработицы; “утечка умов” из бедных в богатые страны; несоответствия и противоречия между субкультурой и идеологией образовательных институтов и общенациональной культурой (например, космополитизм высших учебных заведений VS национализм как идеология модернизации во многих развивающихся странах)⁶.

Следующая дилемма выглядит как *эндогенность VS экзогенность*. Модернизационная перспектива, выросшая из эволюционизма, традиционно уделяла преимущественное внимание эндогенным факторам развития. Классическая модернизационная парадигма отводила

незначительное место проблемам международного порядка, интерсоциальных взаимоотношений, “динамики сопоставлений различных обществ”, ее исследовательский фокус был направлен в первую очередь на внутренние, эндогенные факторы модернизации. В орбиту внимания представителей ранней школы модернизации практически не входили международные аспекты национализма и национальной идентичности. Немногие авторы пытались исправить этот недостаток⁷.

Между тем, экзогенные аспекты невозможно было обойти при обсуждении вопросов смены традиционных институтов и ценностей новыми, модернистскими, даже несмотря на то, что, как оказалось, традиционные формы обладают колоссальным трансформативным и адаптивным потенциалом, позволяющим им гибко приспосабливаться к новым — модернистским — функциям. Конкретно-исторические исследования показали, что широкое распространение индустриализации (перенос технологий, организационных систем) во многом обязано именно экзогенным аспектам, в частности диффузии, а не внутреннему независимому процессу социальных изобретений⁸. Общепризнана существенная роль диффузии, импорта институтов в ходе петровской модернизации в России и мэйдзийской — в Японии. Оба случая в высшей степени интересны как исторические примеры преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательного включения институциональных практик и идей, заимствованных за рубежом.

При этом Д.Уэстни считает, что мэйдзийская Япония являлась лишь примечательным примером исторически гораздо более распространенного явления. Она утверждает, что фактически все общества, по крайней мере, все нации-государства с конца XVIII и начала XIX вв. широко копировали “организационные формы” в других обществах. По мнению Д.Уэстни, межсоциетальное подражание (“cross-societal emulation”) уже в конце XIX столетия тесно связало западные общества и обеспечивало их определенную конвергенцию: “значительным было подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами (особенно в военной сфере) и оправдываемое идеологиями, которые подчеркивали однонаправленность и “прогресс” исторической эволюции”⁹.

Реализация на практике (в странах Третьего мира) программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Помимо “внутренних” барьеров, существовали и “внешние”. Дело в том, что осуществив формально политическую деколонизацию, бывшие имперские державы в лице “мультинациональных корпораций” (позднее эволюционировавших в “транснациональные корпорации” или ТНК) сохранили экономические интересы в экс-колониях. Группы ТНК, как основные потребители и переработчики сырья, были в состоянии контролировать международный рынок, что крайне затрудняло воз-

возможности “молодых наций” аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры. Недооценка представителями модернизационной перспективы этого международного экзогенного контекста стала основной причиной острой критики со стороны ученых, разделявших представления *миросистемной школы* и *теории зависимости*.

Несомненно стимулирующее воздействие внешних факторов (изматывающая конкуренция между социалистическим и капиталистическим лагерем; сопоставление советскими людьми жизненных уровней в социалистических и западных странах; война в Афганистане, ставшая для Советского Союза чем-то вроде Вьетнама или Алжира; целенаправленная политика США на подрыв могущества СССР; импорт зарубежного институционального и политического опыта; неэквивалентный обмен ресурсами с зарубежьем) на процессы грандиозных трансформаций, приведших к распаду СССР и формированию нового социально-политического порядка на постсоветском пространстве.

В 1990-е гг., после окончания холодной войны, ученые в полной мере стали осознавать значение кросс-социетальной коммуникации, межрегиональных, кросс-социетальных и кросс-коммунальных заимствований¹⁰. Роланд Робертсон, опираясь на понятие “селективной восприимчивости” (ориентированный на определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами), разрабатывает свой концепт “селективной инкорпорации”, которым предлагает дополнить “межсоциетальное подражание” Д.Уэстни. Как считает Р.Робертсон, именно подражание и/или инкорпорации стали центральными компонентами в процессах формирования и трансформации обществ во всем мире. Он вводит в научный оборот еще одно понятие — “сравнительная динамика” — для обозначения процесса, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ. Именно “сравнительная динамика”, считает Р.Робертсон, дает преимущества отдельным сообществам, способствует их росту в отдельные периоды времени, превращению в общества-лидеры и образцы для копирования. Вообще, по мнению Р.Робертсона, систематическое, насколько это возможно, понимание путей, посредством которых сравнение стало естественным аспектом строительства и трансформации наций-государств, является главной задачей социальных мыслителей конца XX в. Лишь выполнив эту задачу, считает он, мы сможем “вернуть модернизационную перспективу обратно” в сферу социальной науки. При этом решение указанной задачи требует от исследователей комплексного постижения того, каким образом в действительности осуществляются сравнения с так называемыми “референтными обществами” (терминология

Р.Бендикса); каким образом внутри общества происходит конкурентная борьба и возникают конфликты по поводу того, что и до какой степени необходимо заимствовать; каково при этом институциональное положение влиятельных акторов; какую роль играют интеллектуалы и т.д.¹¹

В целом современная модернизационная школа уделяет большее, чем прежде, внимание экзогенным, международным, факторам; учеными не отрицается существенная роль, которую они играют в модификации процессов развития. Однако, как нам представляется, экзогенной переменной должен быть придан равноправный теоретический статус, наряду с эндогенными переменными, и она должна быть интегрирована в теоретическую модель, взаимоувязана с прочими переменными.

Третья дилемма может быть сформулирована как *дихотомичность VS непрерывность*. Представители классической модернизационной перспективы исходили из жесткого противопоставления “*традиционности*” и “*современности*”, традиционных и современных обществ. Однако, многочисленные исследования историков, антропологов, экономистов убеждают в необоснованности подобного дихотомического подхода. Доказано, что, с одной стороны, многие модернистские институты и ценности зарождаются в традиционном контексте, а, с другой стороны, традиционность, интегрируясь в модернизационный процесс, обеспечивает его стабильное протекание и эффективность. Современные ученые уже не рассматривают *традицию* и *современность* как взаимоисключающие концепты; в исследованиях последнего времени *традиция* и *современность* не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой; ученые обнаружили запутанный клубок взаимоотношений между *традицией* и *современностью*. Вместо прежнего третирования традиций как препятствий для модернизации исследователи делают попытку рассмотреть конструктивное значение традиций в процессе модернизации. Модернизационные траектории различных обществ, как это показали проведенные эмпирические и компаративные исследования, в большинстве случаев конгруэнтны своим традиционным социокультурным и институциональным наследиям. Концепция “зависимости от пути развития”, разработанная в рамках экономической теории, акцентирует внимание на этой особенности исторического процесса. В свете вышесказанного представляется научно оправданным и перспективным, наряду с дихотомическим разведением *традиционности* и *современности*, рассмотрение процесса модернизации как непрерывного, преемственно связанного.

1 Polanyi K. The Great Transformation. Beacon Boston (Mass.), 1957; Также см.: Зашии В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV — XIX вв.: (Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка). М., 1991. С. 44.

2 See: Huntington S.P. *The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader*. Ed. by C.E.Black. New York, London, 1976. P. 30-31.

3 So A.Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, 1990; Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York: De Gruyter, 1995; Dube S.C. *Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms*. Tokyo, London, 1988. P. 5.

4 Dube S.C. *Modernization and Development...* P. 4-5.

5 Tiryakian E. *Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization...* P. 255.

6 Тодаро М.П. *Экономическое развитие*. М., 1997. С. 348-353; Shils E. *Modernization and Higher Education // Modernization: The Dynamics of Growth*. New York, London: Basic Books Inc., 1966. P. 83-97.

7 Nettl J.P., Robertson R. *International Systems and the Modernization of Societies: The Formation of National Goals and Attitudes*. New York: Basic Books, 1968.

8 See: Vago S. *Social Change...* P. 134.

9 Westney D.E. *Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.

10 Robertson R. *Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization...* P. 218.

11 Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications, 1992; Idem. *Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization...* P. 216-218, 226-231.